

А. Л. Ястребов
Российский институт театрального искусства – ГИТИС,
Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8844-6562

Тургенев/Толстой. Парный портрет писателей: экстремумы бытия vs. рефлексия мистицизма

АННОТАЦИЯ

Сравнительное исследование творческих портретов И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, история литературы, психологии деятельности, искусствоведения и культурологии позволяют рассмотреть структуры, механизмы человеческих интенций великих художников слова и их творческой реализации в контексте феноменологии бытия. Попытка философски-эстетического осмысления феноменов Толстого и Тургенева в жанре парного портрета позволяет вскрыть индивидуальность каждого писателя, содержательность их характеров в их социальной обусловленности, выявить некоторые черты творческих индивидов, которые не проявляются при отдельном портретировании.

Философские репутации писателей связаны с различиями в понимании целей и задач человека. Толстой ориентирован на астрономическое наблюдение за абсолютной бесконечностью. Он задействует умозаключения, обнаруживая в единичном действии универсальных законов нескончаемого мира. Эмпирика существования толстовских персонажей настойчиво находит подтверждение в человеческом стремлении быть частью единого бытия. Тургеневский герой, независимо от того, насколько он инициативен, жизнелюбив и деятелен, обязательно подпадет под сокращение, покинет сюжет бытия. Для Тургенева нет понятия «вселенной». Камерность избранных тем и конфликтов подразумевает исследование наглядного материала, чрезвычайно концентрированного во времени и обособленного в пространстве.

Аналитический парный портрет писателей выявляет различные типы самоощущений, которые передаются читателю и становятся основой разных типов философской и психологической идентификации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Русская литература, Л. Толстой, И. Тургенев, мифология творчества, писательская репутация.

DOI: 10.35852/2588-0144-2021-4-28-44
УДК 821.161.1-3:808.1

Andrey L. Yastrebov
Russian Institute of Theatre Arts (GITIS),
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8844-6562

Turgenev/Tolstoy. Compared portrait of writers: Extremes of being vs. reflection of mysticism

ABSTRACT

A comparative study of Ivan Turgenev and Leo Tolstoy creative portraits, the history of literature, psychology of activity, art history and cultural studies allows us to consider the structures, mechanisms of human intentions of the great artists of the word and their creative realization in the context of the phenomenology of life being. The article is an attempt to comprehend the phenomena of Tolstoy and Turgenev both philosophically and aesthetically in the genre of compared portrait. It allows to reveal the personality of each writer, the content of their characters in social circumstances, to identify some features of creative individuals that do not manifest themselves when not compared.

Philosophical reputations of writers are associated with differences in the understanding of human goals and objectives. Tolstoy is focused on astronomical observation of absolute infinity. He uses inferences, revealing in a single action of the universal laws of the endless world. The empiricism of Tolstoy's characters existence persistently finds confirmation in the human desire to be the part of a single being. Turgenev's hero, regardless of how proactive, life-loving and active he is, necessarily falls under the reduction, he leaves the plot of being. For Turgenev the "universe" concept doesn't exist. The closeness of selected topics and conflicts implies studying of the visual material, extremely concentrated in time and isolated in space.

The analytical compared portrait of writers allows us to identify different types of self-perceptions that are transmitted to the reader and become the basis of different types of philosophical and psychological identification.

KEYWORDS

Russian literature, L. Tolstoy, I. Turgenev, mythology of art, writer's reputation.

Сопоставление биографий и творчества Тургенева и Толстого – задача, решение которой обещает зрелищную ретроспективу: ссоры, примирения, гневные письма, слезы умиления. Общеизвестны факты неоднозначных дружеских отношений художников, запутана история их схождения и разногласий. Для автора важен тот аспект проблемы, который выявляет различия возрастной природы ощущений и переживаний русских писателей, проливающей дополнительный свет на их художественное и жизненное творчество. Биографии писателей предлагают богатый материал для уяснения метафизического характера устремлений человеческой натуры. Выявление некоторых аспектов писательских индивидуальностей через феномен возрастной самоидентификации позволяет обнаружить векторы самосознания Толстого и Тургенева, – как художников, так и людей, – и определить некоторые вехи традиций, ими намеченных.

Б. К. Зайцев, сопоставляя жизнь и творчество Тургенева и Толстого, создает эскизные портреты писателей и их взаимоотношений. Тургенев поначалу опекает молодого писателя Толстого, который с теплотой отзывается на заботу и доброту старшего друга. Разница в возрасте – десять лет. Смирная роль благодарного ученика выдерживается Толстым недолго. В отношениях происходит охлаждение: «Жизненные привычки были у них разные», – замечает Б. Зайцев. Тургенев «изящно одевался, любил порядок и опрятность, от него пахло духами, он носил тонкое белье. Выезжая в общество, надевал отличный фрак. Обедать любил вовремя и был гастрономом. Понимал в вине, но никогда не напивался. Сидел в салонах и беседовал с дамами, но не катал по кабакам, не любил троек, цыган, кутежей». Толстой, как рассуждает Зайцев, относился к иной породе людей. В его комнате «все было разбросано, сапоги могли стоять на туалетном столике, брюки могли валяться на рукописях или рукописи на брюках, нередко возвращался он на рассвете, вставал Бог знает когда, полдня ходил по квартире немытый, угрызался за “недолжную” жизнь и тотчас начинал громить первого встречного, ел Бог знает что, на ходу, решая вопрос о правде в человеческих отношениях и чаще всего находя, что все неправда и хорошо бы вообще весь мир переделать сверху донизу» [1, с. 108].

Творческая индивидуальность человека порой выражается в повседневных привычках не менее ярко, чем в литературном стиле. Общее мнение о 28-летнем Толстом – создателе «Детства», «Отрочества», «Утра помещика», «Двух гусаров», «Севастопольских рассказов», если судить по письмам 1856 г. – что он «дикий». А. В. Дружинин называет его «башибузуком» и «вандалом». Н. Г. Чернышевский – «диким человеком», Тургенев – «за дикую рьяность и упорство буйволообразное» – «троглодитом» [2, с. 65].

Между писателями возникают болезненные и тяжелые отношения. Редкие их встречи не заканчиваются спорами или ссорами. Н. Н. Толстой так объясняет причины обоюдной раздражительности: «Тургенев никак не может помириться с мыслью, что Левочка растет и уходит из-под его опеки» [3, с. 82].

Сопоставляя индивидуальности писателей, Зайцев склонен к обобщениям: Тургенев жизнь окружающую признавал, считая, что ее нужно улучшить.

В Толстом сидело зерно всеобщего разрушения и страсть постройки всего заново. Тургенев любил культуру, искусство, всякие утонченности и «хитрости». Толстой все это отвергал. Тургенев никогда не проповедовал и не особенно моралью интересовался. Толстой к этим вопросам относился с присущей ему страстностью. И так как был не малообразован, но безмерно самолюбив и силен, ему «доставляло наибольшее удовольствие оспаривать неоспоримое» [1, с. 266–267].

Разумеется, любой парный портрет грешит шаржированностью, часто принижением одного из субъектов сопоставления. На эту роль обычно интуитивно выбирается то лицо, которое в большей степени отмечено пренебрежением нормами. В зайцевском этюде на фоне Тургенева-аристократа Толстой смотрится угловатым простолюдином, сапожником-правдоискателем.

Следует все же отметить, что портреты еще молодых писателей нарисованы приближенными к реальному состоянию их человеческих натур и творческих темпераментов. Доказательством этому станет развитие указанных черт характеров. Пройдет время, и обнаружится, что Тургенев почти не изменился. С привычками, закрепленными за ним природой, мало что случилось. В ранней юности он величал себя гегельянцем, этим и ограничился в постижении отвлеченных идей, в зрелые годы он остался так же безучастен к философским размышлениям, обостренным дискуссиям о нормах жизни и нравственности. Постигание важнейших вопросов бытия приходило к нему интуитивным путем, с годами развивая в писателе мистическую чуткость.

Толстой развил в себе качества полемиста, стал авторитетным проповедником радикально противоречивых мыслительных построений, стремясь довести любую идею до логического предела. Мистицизм ему чужд; как отмечает М. А. Алданов, толстовство – наиболее рационалистическая система взглядов.

Сближает писателей страстное стремление быть законодателями моды на любезные им идеи, что выражается в ангажированности их произведений, связи с общественно-политическими дискуссиями. Даже масштаб их мировмешательства обнаруживает сходство. К 60-м годам XIX в. создается впечатление, что разница в возрасте нивелируется, и они неожиданно становятся почти ровесниками. При этом Тургенев, живо откликаясь на политические события современности, остается верным теме живописания дворянских гнезд, а Толстой задается целью обсудить все без исключения проблемы – судьбы крестьян, духовные перспективы дворянства, несовершенство государственности, хитросплетения любовной психологии, взаимоотношения человека с Богом и т. д.

Допустимо сделать предположение, что возраст писателей не всегда совпадает с их самоощущением. Тургенев испытывает возрастные спады и подъемы, Толстой пребывает в борении с душевными, мировоззренческими кризисами, вызванными поисками сюжетов и жанров новых произведений. Достаточно сравнить метрику творческой активности писателей, чтобы понять одну из причин различий природы указанных кризисов. Толстой пишет свои произведения медленно: за 40-летие творческой деятельности созданы

«Война и мир» (1863–1869), «Анна Каренина» (1873–1877), «Воскресение» (1889–1899), «Смерть Ивана Ильича» (1884–1886), «Крейцерова соната» (1887–1889), «Хаджи Мурат» (1896–1904). Толстой стремится раздвинуть идейно-тематические рамки художественных поисков. «Мысль народная» «Войны и мира» сменяется «мыслью семейной» «Анны Карениной», затем возникает замысел нового произведения с мыслью «русского народа в смысле *силы завладевающей*» [4, с. 148].

У Тургенева всего лишь за шесть лет – с 1856 г. по 1862-й – выходят в свет основные произведения («Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Ася», «Отцы и дети»), которые, собственно, и составили его славу. Тургенев пишет много, активно, но ощущается кантиленность темы – прощания с прошлым навязчиво преследуют художника.

Толстой – по характеру разнополярный, стоит над частной проблематикой своего времени. Тургенев – человек, находящийся в плену убывающих лет и эпохи, которую так хочется понять, однако не хватает сил, желаний, времени, характера. Он постоянно размышляет о прожитом, о том, чего уже не случится. Толстого «повторение пройденного» нимало не заботит: он находится в состоянии перманентного поиска новой литературной темы, замышляет создать «Азбуку», роман об Илье Муромце, чтобы «описать его образованным и очень умным человеком, происхождением мужик, и учившийся в университете» [4, с. 142]. Затем собирается писать комедию, драму про Петра Великого, статьи о материализме, позитивизме, разладе церкви с христианством.

Поведение Толстого демонстративно: пашет землю, тачает сапоги; И. Е. Репин его рисует, яснополянские гости умиляются и т. д. Тургенев не так часто оказывается в центре общественного внимания. Полемика, разразившаяся после выхода «Отцов и детей», и горячая встреча с восторженными студентами после пушкинской речи, – наиболее выразительные сюжеты популярности писателя в России.

Не одинаково переживают писатели смену литературных поколений. Она остро ощущается Тургеневым, которого пугает популярность писателей-критиков, пренебрегающих культурой в пользу общественно-обличительной проблематики. Вот, к примеру, строки из тургеневского письма к П. В. Анненкову от 6 августа 1861 г.: «Читаю я мало, и то, что мне попадает из русских журналов, не очень способно возбудить желание подобного упражнения. Совершился какой-то наплыв бездарных и рьяных семинаристов – и появилась новая, лающая и рыкающая литература. Что из этого выйдет – неизвестно, – но вот и мы попали в старое поколение, не понимающее новых дел и новых слов» [5, с. 358–359].

Толстой, напротив, весьма приветливо относится к новоявленным рассказчикам историй из народного быта и прочим малоталантливым демагогам – осудителям общественных несправедливостей; он демонстрирует образцовое смирение, размышляя о том, что его ровесники уходят в прошлое. При этом не допускает мысли, что постарел сам. Ощущение надвечности

и актуальности собственного гения рождает нелицеприятные и лишь отчасти сентиментальные аттестации писателей, которые даже моложе его: «Мне всегда жалко Гончарова, когда я подумаю о нем. Старик, один, забытый... Он сильно страдает <...> неудовлетворенным славолубием» [6, с. 297].

Осуждает Толстой и собратьев по перу, описывающих на склоне лет нежные чувства. В. Ф. Булгаков прилежно конспектирует: «Если есть духовная жизнь, то любовь представляется падением. Любовь ко всем поглощает чувство исключительной любви. Начинается чувство исключительной любви. Начинается чувство исключительной любви бессознательно, но затем возможно разное отношение к нему. Все дело в мыслях: можно или останавливать себя, или подхлестывать. И такое подхлестывание – описания всех тургеневых, тютчевых, которые изображают любовь как какое-то высокое, поэтическое чувство. Да когда старик Тютчев, у которого песок... сыплется, влюбляется и описывает это в стихах, то это только отвратительно!.. Это как сегодня был у меня посетитель: говорит о религии, о Боге, а я вижу, что ему водки выпить хочется!» [7, с. 189].

Обнаруживается кардинальное различие во взглядах писателей на человека. Тургенев остается заложником переживаемого возраста, а Толстой настолько увлекается изучением феномена проникновения вечного в ежминутность жизни, что начинает игнорировать факт принадлежности человека определенному времени. Соотношение мгновения и надвременности происходящего категорично решается писателем в пользу бесконечного.

Романы Тургенева создают впечатление, что автор свое присутствие в сюжетах сводит к чуть ироничному и всегда печальному наблюдению за тем, как герои влюбляются, мучаются, произносят слова и расстаются. Объективность гостя на чужом пиршестве споров на время покидает Тургенева, когда он пишет о молодых героях. Писатель до поры перестает быть беспристрастным, он портретирует энтузиазм молодости, торопится развенчать обольщение всесилием и неумение расчетливо относиться к отпущенному судьбою времени. Инсаров и Базаров обречены, потому что в них слишком много витальности, и они не научены умеренно распределять свои силы, интересы и требования.

По отношению к героям-ровесникам автор философски деликатен. Он боится спугнуть собственную судьбу, опасается трагической биографией романного персонажа напророчить себе дурную будущность. В этом смысле смерть Рудина на баррикадах – не более чем печальная ирония писателя над самим собой, боящимся случайности нелепой и бессмысленной жизни, а не театрального революционного предсмертного порыва. Будущность Рудина, убежден Тургенев, ему самому не грозит.

Писатель настойчив в отстаивании интересов тех персонажей, которые близки ему по возрасту и психологическому самочувствию. Лаврецкий обречен на страдание, неизменно печален Павел Петрович. Как бы ни была грустна их участь – автор сохраняет им жизнь, чтобы себя не сглазить. Он продлевает жизнь в фигуре четко построенной героем фразы, во взвешенности бытийной

позиции, в ее охранительности, в соблюдении баланса между мыслью, словом и поступком героев-ровесников.

Иногда случаются сбои – любовь, неожиданное открытие, что жизнь не задалась, нападки оппонентов, – но все же они не нарушают строгой выверенности словесного мира, описывающего существование, утратившее искренний пафос молодости и энергию и смирившееся: ничего не поделать, надо утихомириться. Тургенева можно назвать выразителем интимно-рефлексивного сознания. Жизнь жестока и несправедлива, в качестве чаевых за муки творчества и душевные труды она дает крохи тихой любви и спокойствия. Письма и романы Тургенева пронизаны настроением философской застенчивости. Писатель и его герои идут по жизни, ориентируясь на мелодию собственного сердца и стук начищенных туфель. Убывание жизни принимается как печальная мудрость жестокой природы.

Лев Толстой на протяжении всей своей жизни являет собой пример дидактического и административно-философского мышления. Б. Н. Чичерин в воспоминаниях о 1840-х гг. весьма категорично аттестует Толстого, уже автора «Детства и юности», «Севастопольских рассказов»: «<...> серьезные умственные интересы были вовсе не его сферою <...> Образования он не имел почти никакого, ничего не читал <...> в то время проявилась у него погубившая его впоследствии склонность к резонерству. Уединенная жизнь в деревне еще более развила в нем эту болезнь. Его занимали высшие вопросы бытия, а подготовки для решения их не было никакой. Он и предавался своеобразному течению мысли, перемешанной с фантазией. <...> Он сам и его близкие рассказывали мне со смехом, что с самой ранней молодости на него по временам находила разная дурь <...> Затем эта дурь проходила и являлась какая-нибудь другая, которой он держался так же упорно, как и первой. С летами это упорство в исключительно овладевшей им мысли, это радикальное отрицание всего, что к ней не подходило, получало все большее развитие» [8, с. 212, 216–217].

Не лишним будет заметить, что «невежество» Толстого было легендой, им же созданной: писатель знал несколько языков, в том числе греческий и иврит, изучал античных авторов в подлинниках, интересовался философией, астрономией, богословием, естественными и педагогическими науками. «Люди, видевшие два десятка книжных шкафов в Яснополянском доме, знают, что такое – невежество Л. Н. Толстого» [9, с. 32], – комментирует М. Алданов. Разумеется, одно дело – собирать книги, другое – читать их, однако начитанность Льва Николаевича очевидна: «Поля книг часто испещрены рукой Толстого» [Там же]. Но науку Толстой ненавидит – потому что ученые педанты, по мнению писателя, не способны дать ответы на главные вопросы бытия. Интеллектуалы становятся мишенью для самой радикальной критики со стороны Льва Николаевича: «Ведь это не парадокс, как про меня говорят, а мое истинное убеждение, что чем ученее человек, тем он глупее... Я читал статью N, тоже ученого, так ведь это просто дурак, прямо глупый человек. И что ни ученый, то дурак. Для меня слова “ученый” и “глупый”

сделались синонимами» [7, с. 85]. Вот показательный отрывок из другого разговора – по поводу полученной Толстым книги от индуса о науке в Индии:

«– Что же, наука в Индии развивается? – спросил кто-то.

– Слава богу, не развивается, – засмеялся Лев Николаевич. – А у нас так вот развивается: профессоров много» [7, с. 216].

В 1857 году Толстой увлекся проектом заселения всей России лесами, после чего прошел слух, будто он предполагает заняться лесоразведением. Новость активно обсуждается Тургеневым. В письме к П. В. Анненкову от 1 декабря 1857 г. слышится ирония: «Удивили вы меня известием о лесных затеях Толстого! Вот человек! С отличными ногами непременно хочет ходить на голове <...> Я у него спрашивал – что же он такое: офицер, помещик и т. д. Оказывается, что он лесовод» [9, с. 279]. Тургенева коробит в Толстом морализаторская категоричность суждений, театрализованная всеядная активность. Чем только Толстой не занимается: печки кладет, траву с мужиками косит, пожары тушит, пчел разводит, сапоги крестьянам тачает, поучает китайцев, Шекспира поругивает, школу открывает, учителей гоняет, а тут еще и проект, как обустроить Россию с помощью лесоводства.

Толстой и офицер, и помещик, и пчеловод, и лесовод, но, прежде всего, моралист. Достается всем, и даже смиренным крестьянам: «Я встретил бабу, – говорил Лев Николаевич, – она жалуется, что трудно жить: шесть человек детей. Я и говорю: откуда они у тебя взялись-то? Из лесу, что ли, пришли? В самом деле, от чего бы так не делать, чтобы родить двоих, троих детей – и будет. А после жить как брат с сестрой. А то много детей, так ведь это от чего? От плотской похоти» [7, с. 243]. В своем радикальном анархизме Толстой обрушивается не только на человеческие установления, но и, по выражению Алданова, на «вечные институты природы» [10, с. 71].

Показательно отличие Толстого от Тургенева, который воспринимает славу не как противодействие силы таланта порочной заданности природы, а как возблагодарение за свершенные труды. Успех всегда сопутствовал писателю, который очень робко относился к славе: известным хотелось быть, но высокие оценки критики сталкивались с грустным самоощущением очередного возрастного кризиса. Любая похвала жизненности, к примеру, Рудина или Лаврецкого, воспринималась как свидетельство умения автора описывать трагедию стареющих ровесников. Острое ощущение возрастной драмы Тургеневым становится препятствием на пути обращения к проблемам божественной самопредставленности человека в мире. В отличие от Толстого Тургенев описывает процесс постепенного умирания самого себя вместе со своими художественными воплощениями.

Слава для Тургенева – явление желанное, выстраданное. Чего стоит хотя бы радостное признание писателя на пушкинском юбилее, на который Толстой так и не явился, будучи в этот период противником брэнного словословия своего таланта. Толстой исповедует идею абсолютной соразмерности себя, рожденного на столетия, духу человечества. Подобно человечеству, он равно юн и стар, великолепен и порочен, материален и духовен.

Многие радикально настроенные биографы называют Толстого лицемером, фарисеем, ханжой, циником, притворщиком, брюзгой. Комментируя дневники Толстого, А. М. Евлахов гневно произносит: «Тут у него все подряд: и нравственность, и приятное, и туалет, и гигиена – настоящий цинизм морали эпилептика!» [10, с. 86]. Более деликатна точка зрения, отчасти учитывающая компромиссный, находящийся между старчеством и юношеством, характер психологии писателя: «Толстой, – замечает Б. М. Эйхенбаум, – часто выглядит ребенком, с удовольствием пишущим “прописи”, но легко забывающим о них, как только “урок сделан”» [11, с. 97].

Нередко кажется, что Толстой жесток, но это качество объяснимо верностью писателя и человека своей моралистической позиции. Дневниковая запись А. Б. Гольденвейзера от 27 декабря 1900 г.: «...Известие о том, что Татьяна Львовна родила преждевременно мертвую девочку, а накануне узнали о смерти Лёвочки, старшего двух-трехлетнего сына Льва Львовича <...> По поводу несчастья Татьяны Львовны Лев Николаевич сказал: “Я не огорчаюсь, что у дочерей моих нет детей, я не могу радоваться внукам. Я знаю, что из них непременно вырастут дармоеды. Конечно, мои дочери очень желают, чтобы это вышло не так, но в той среде, где им придется воспитываться, избежать этого так трудно. Я всю жизнь окружен этим, и, сколько ни борюсь, ничего не могу сделать”» [12, с. 78–79].

Толстой не желает знать печалей возраста. С неукротимостью подростка-максималиста он стремится вмешаться во все проблемы мироздания. И часто делает это хоть и поверхностно, но всегда искренне, будучи убежденным в истинности пути морального самоусовершенствования. Анненков назвал ум Толстого «сектантским», а Тургенев скорбел, что младшему современнику не хватает умственной свободы.

На конкурсе самых противоречивых людей и мыслителей Толстой, без сомнения, стал бы победителем. А Тургенев вряд ли бы прошел в четвертьфинал. Толстой устанавливает чрезвычайно важный метафорический коэффициент, с помощью которого можно вычислить реальную стоимость философии творчества: самостоятельность суждений, помноженная на любую идею, не исключает, подразумевает противоречивость оценок.

Тургенев никогда себя не обременял моральными обязательствами. Его ранние письма свидетельствуют о покладистости человека, чья жизнь приводима в движение реальными обстоятельствами, благоволящими развитию тех или иных черт характера. Писатель не спорит с жизнью, а приспосабливает к рассеиваемой материи существования свои истощающиеся силы.

В этом смысле Тургенев – неудачный пример морального учительства. В его произведениях и письмах отсутствует ригористический дидактизм. Даже в посланиях к дочери не встречается общетеоретических рассуждений о том, как следует достойно себя вести в той или иной ситуации. Тургенев-отец, не желая «изображать педанта», журит Полину, предпочитающую занятиям балы и наряды: «Дитя мое, у тебя еще будет время для развлечений; но бойся упустить то время, когда ты можешь еще трудиться. Танцы плохо вяжутся

с орфографией, – у тебя же она еще немного хромает». В письмах к дочери вопросы орфографии оказываются значимей этических нравоучений.

Обманчивый образ благообразного и мудрого Толстого-старичка, взирающего на школьника со страницы учебника литературы, неминуемо вводит в заблуждение всякого читателя и идеалистически настроенного биографа. Между тем в крутом нраве с Толстым мог бы посоревноваться разве что Лесков. Залогом молодой активности, проявляющейся в повествовательном мастерстве писателя, стала физическая одаренность. Привычное заблуждение «правоверных историков литературы» состоит в том, что Толстой с первых жизненных шагов и до последних неизменно воспринимается как сильный, свежий, здоровый человек, философ. О его силе поклонники любили рассказывать легенды.

«Атлетизм» писателя сделался для его героев иммунитетом против телесных хворей. Возраст относится не к тем категориям, которые определяют поведение персонажей. Смерть в произведениях Толстого – факт, не связанный с прожитыми годами. Смерть (за редким исключением: «Смерть Ивана Ильича», «Три смерти») – воление автора-демиурга, ощущающего избыточность жизни в самом себе и в героях, которым симпатизирует.

Однако карта болезней Толстого заняла бы не один том: наследственные недуги, причуды, организация работы, эксцентричная подозрительность, припадки эпилепсии, галлюцинации, меланхолия, душевное возбуждение, раздражительность, резкая смена настроения, ненужная горячность, забывчивость, беспричинные слезы. От такого букета хворей Тургенев бы захотел умереть, еще не родившись.

В жизни Толстого кризисы, кажется, распределяются равномерно. Или являются стабильной величиной физического и психического состояния здоровья писателя, что позволяет говорить одинаково как о болезни, так и о завидном здоровье, имеющем достаточные ресурсы для творческой жизни, а подчас для самых экстравагантных поступков, на которые Тургенев никогда не решился бы.

Подозрения на психическую болезнь писателя датируются концом 1860-х. Если прислушаться к Т. А. Кузминской, то ход болезни Толстого в последовательном ее развитии можно проследить уже с 1867 г., когда она впервые проявилась уже в резкой форме, обратив на себя внимание и окружающих. Т. А. Кузьминская свидетельствует, что в это время, то есть в возрасте 39 лет, Толстой начинает часто жаловаться на нездоровье, хандрит, бывает желчен и болезненно раздражителен. Случаются припадки немотивированной агрессии и жестокости [13, с. 93].

Накоплен богатый биографический материал, свидетельствующий о физических болезнях и приступах меланхолии, посещавших писателя, однако «случай» Толстого не укладывается в четкую систему возрастных драм. Физическое нездоровье и психологические сломы случаются у писателя и в 28, и в 50, и в 70 лет, однако эти этапы обострения трудно идентифицировать в пределах системы кризисов возрастных особенностей, в которую вписываются

многие другие творческие личности и которую идеально иллюстрируют жизнь и творчество Тургенева.

Выписка из хроники жизненного кризиса 50-летнего Тургенева: упадок сил, впечатлительность, мнительность, уныние, потрясения здоровья вызывают грустное расположение духа писателя. Он сообщает И. П. Борисову в письме от 18 (30) июня 1869 г.: «...он подтвердил мнение здешнего врача – у меня болезнь сердца – и я должен избегать всякой усталости – а потому навсегда расстаться с охотой! Можете себе представить, как на меня подействовали эти слова... Я только это и любил. В противном случае Фридрих грозит мне участью Панаева – т. е. внезапным переселением туда. У Панаева болезнь сердца открылась так же неожиданно и поздно. Остается беречь себя; дело полезное – но невеселое. Вот чем разрешился мой жизненный кадрильчик. Впрочем, могло бы быть хуже: я мог бы ослепнуть. Ну, будем беречь себя – и не будем говорить об этом» [14, с. 15]. Тургенев редко испытывает приступы немотивированной раздражительности – следствие сбоев физического здоровья. При этом писатель старается сдерживать себя, не позволяет вырваться поспешной оценке или категоричному слову. Во всем ощущается понимание, что рассчитывать на здоровье и милосердие лет не приходится.

Тургенев не отмечен демонстрацией физической силы. Спортивно-барские увлечения писателя ограничивались охотой, этой не прекращающейся всю его жизнь патриархальной войной с лесной живностью. В письмах Тургенева к Аксакову не найти рассуждений о России, которые были бы, следует отметить, очень уместны. Тургенев предпочитает идеологическим спорам и философским размышлениям охотничью тему. С какой искренней радостью он сообщает Аксакову о «плодах своей войны: всего 304 штуки – 69 вальдшнепов, 66 бекасов, 39 дупелей, 33 тетерева, 31 куропатка, 16 зайцев и т. д., вплоть до бедного куличка, и того записал <...>. Аксаков ответил, что это, конечно, не дурно... сам же он взял 1200 штук» [1, с. 259].

Б. Зайцев рассказывает о посещении Тургеньевым Толстого в Ясной Поляне. Дело происходит накануне пушкинского юбилея, Толстой в очередной раз «находился в разгаре внутренней перестройки». «О Льве Толстом и Катков подтверждал, что, слышно, он совсем помешался», – писал <...> Достоевский жене. И вот, несмотря на то, что “помешался”, – опять встретился с Тургеньевым ласково. Писал “Краткое изложение Евангелия” и ходил с гостем на тягу – стреляли вальдшнепов <...> Почему занимались стрельбой мирных, любовью влекомых птиц непротивленец Толстой и отдавший любви жизнь Тургеньев – этого понять нельзя» [2, с. 336–337], – недоумевает Зайцев. В последние годы жизни Толстой от охоты сурово отрекается. В. Ф. Булгаков свидетельствует, что писатель не позволял даже убивать мух [2, с. 244], и признавался: «До 50 лет охотился на зайцев, на медведей... теперь я не могу вспомнить об охоте без чувства стыда и мучительного раскаяния» [2, с. 288].

С Тургеньевым все иначе. В юности он полюбил охоту и не изменил своим привычкам и в старости: «Лето я проведу в окрестностях Петербурга: я буду охотиться с утра до вечера. Так хорошо целый день быть среди полей:

там можно мечтать в свое удовольствие, а ведь вы знаете, что от природы я немало мечтатель» [2, с. 355].

Тургеневская страсть к охоте – паспорт аристократического существования и своеобразное удостоверение, что он на что-то еще способен. Когда медики запретили писателю ходить на охоту, Тургенев весьма опечалился, потом все наладилось, «вышло как надо»: охота, подробный выразительный перечень трофеев, добротное застолье. Напротив, Толстой в беседах 1900–1910 гг. настойчиво проводит мысль: раньше мне была близка барская забава убивать неповинных животных, а потом поумнел и подобрел.

Тургенев как был гурманом, так и старался оставаться им по мере отпущенных жизненных возможностей, получая особое удовольствие от сельской жизни. Из письма Тургенева к М. А. Бакунину и А. П. Ефремову из Мариенбада от 3 сентября 1840 г.: «Целый день никого не видишь кроме <...> моих любимых уток. Их всего 11; я им дал разные названия <...>. Так текут мои дни – и-ди-личес-ки» [15, с. 167–168]. Толстой не менее страстен в посвящении себя полюбившимся занятиям, не менее экстравагантен, но ему более предпочтительны иные трофеи – лавры охотника в чащах самоусовершенствования, торжествующего над искушениями и пороком. Даже эта позиция писателя отмечена противоречивостью, объединяя в себе феноменальное сочетание юношеского максимализма и старческой рефлексии. Таким он вошел в литературу, таким и остался до конца своих дней.

Толстой привлекателен для читателя в качестве примера экзальтированного поиска истины, нервического самоанализа, избличающего человека, сотворенного природой на долгие годы. Тургенев – один из первых писателей в русской литературе, на собственном опыте показавших драму возрастных переживаний. Противник идеи порочности человека, чуждый ригоризму, Тургенев отрицает пафос Толстого, ту критическую беспощадность, с какой его современник расправляется с любыми бытийными проблемами. Тургенев исповедует идею умеренности, приятия очевидного и делает это с печально-ироничной улыбкой уставшего от жизни и болезней человека. И в 30, и в 50, и в 60 лет налицо все атрибуты возраста. Основной предмет и направленность экзистенциальных печалей Тургенева со всей очевидностью связаны с возрастными переживаниями.

Толстой раскрывает картину вселенной и требует не доверять никому – ни картине, ни вселенной, делая исключение только для самого себя.

Читателю Тургенева даруется возможность на примере жизненного и творческого опыта писателя увидеть, как грустно жить, болеть и быть неприканным и вновь продолжать жить, став свидетелем того, как ты пережил свою популярность, как твоя искренность воспринимается позерством, верность жизненной теме становится поводом для критики. Не лишне вспомнить, что Ф. М. Достоевский в образе Кармазинова в «Бесах» создал пародию на Тургенева.

Логика биографии и творчества Толстого противится дифференциальному возрастному исчислению. Создается впечатление, что Толстой торжествует

над временем, воспаряет над десятилетиями, заботясь об уяснении феномена бесконечности. Он воспринимает безграничное в качестве исходного пункта жизнотворчества и не желает принять ограничений, налагаемых пространством и временем. Ключом к прочтению основных романов писателя становятся популяризируемые школьной программой «мысль семейная» и «мысль народная» – глобальные в своем метафорическом масштабе и поверхностные в хрестоматийной трактовке.

Если грандиозные толстовские построения применить к Тургеневу, они покажутся по меньшей мере избыточными. Отечественной читательской мысли куда более привычно сводить основную направленность творчества писателя к созданию образов «дворянских гнезд» и «тургеневских девушек». Сделать подобный комплимент Толстому – с восторгом произнести, к примеру, «толстовские девушки» – означает подметить несущественные факты из творческой биографии писателя, который более увлечен ответом на вопрос, «для чего существуют люди и какова будущность их попыток достичь недостижимого».

Тургенев пребывает в цепях первопричин, и толстовская мысль о мысли воспринимается им в качестве опыта софистических красотостей. Более приемлемой для него делается мысль о невозможности расширить ограниченность отпущенного человеку пространства и времени. Поэтому смерть любого героя означает его несовпадение с априорной и апостериорной идеей мироздания, недоступной для обозрения, но открытой для интуитивного проникновения.

Тургенев предпринимает попытку изучить проблему конечного и исчерпаемого, сводит все многообразие пестрого мира и его разнородность к безотносительной констатации: для толстовской идеи чрезмерности (человека, мира, мысли) нет ни одного убедительного аргумента. Геометрия жизни, по мысли автора «Дворянского гнезда», основана на мысли о неизбежном финале; вариативность осуществленных жизненных опытов если и значима, то только до определенного переломного момента, который связан с нарушением пропорций между осуществленными годами и инерционными желаниями человека.

Именно «вселенский» размах мысли Толстого постепенно делает его фигурой сакральной. В начале XX века одни видят в нем «святого старца», другие – чуть ли не антихриста. Показательно, что и для тех, и для других Толстой – богатырь, только остается вопросом, на добро или зло направлены его богатырские силы. Александр Блок, склонный воспринимать действительность в ее мистическом аспекте, называет свою статью о Толстом «Солнце над Россией». Писатель превращается у него в былинного богатыря-крестьянина, который «идет по борозде за плугом, за своей белой лошадкой», являя собой залог прочности бытия: «Толстой идет – ведь это солнце идет. А если закатится солнце, уйдет Толстой, умрет последний гений, – что тогда?» [16, с. 303]. А гнев отца Иоанна Кронштадтского ставит Толстого буквально во главе сил зла – тоже в своем роде почетное место,

хотя и с противоположным знаком: «Геройство – чисто сатанинское, да еще и в превосходной степени, ибо и сам сатана боится Бога и трепещет уготованных ему мучений, а ученик его превзошел и своего учителя» [17, с. 129]. Тургенев же – рыцарь умеренности, либерал и западник – никогда не покидал скромной ниши секулярной культуры, и даже его легендарная любовь к Полине Виардо осталась в рамках светского мифа.

Парадоксальным при этом является то, что Тургенев, невзирая на «камерность» избранных им тем, является чрезвычайно мистически чуткой и, по выражению В. Н. Топорова, «архетипически богатой» натурой. В произведениях Тургенева возникает своеобразный «подъязык» сновидений [18, с. 432], но вся эта мистика носит глубоко личный, интимный характер. Рационалистическая же природа Толстого подвергала религию цензуре рассудка, воспринимая мистику как «дикость» и «суеверие». Все выходящее за пределы разума Толстым решительно отвергалось, отсюда и его непонимание многих творений искусства. Из своей редакции Евангелия Толстой последовательно изгоняет чудеса.

Глубина и духовная многогранность мировосприятия Тургенева, выражавшаяся не только в художественном творчестве, но и во множестве парапсихологических явлений, предчувствий, совпадений, стала предметом отдельного исследования В. Н. Топорова [19]. Однако Тургенев, в отличие от Толстого, не обретает в сознании современников статус пророка: его мистицизму недостает вселенского размаха. Подчиненность писателя потоку времени умягчает его фигуру в глазах окружающих. Толстой же, несмотря на свою полную религиозную «немузыкальность», чтобы не сказать «глухоту», стал как в последние годы жизни, так и после смерти, героем некоего сакрального мифа, переросшего даже национальные рамки. Его замороженность вечностью, широта и бескомпромиссность мысли окружают фигуру писателя особым ореолом. Притом, что Толстой в своих произведениях последовательно развенчивает ряд архетипических образов, его собственная личность неуклонно приобретает архетипические черты, внушающие публике восхищение или же священный ужас.

Компаративистский подход в исследовании философии творчества И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого остается актуальным направлением методологии анализа их произведений. И. Ю. Матвеева [20] подчеркивает: художественные поиски писателей предвосхитили появление методологии модернизма. В качестве важнейшего аспекта бытийного пространства личности в произведениях Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева О. В. Белопухова [21] указывает, что музыка становится универсальным методом анализа мировоззренческой позиции героев. Е. Ю. Полтавец и А. Г. Биджакине [22] скрупулезно проанализировали парадоксальный идиостиль авантюрных сюжетно-фабульных ситуаций как категорию художественной философии писателей. Упомянутые исследования не содержат целостного анализа литературного наследия классиков. Философские репутации писателей связаны с различиями в понимании целей и задач человека. Толстой ориентирован на астрономическое

наблюдение за абсолютной бесконечностью. Он уходит в умозаключения, обнаруживая в единичном действии универсальных законов нескончаемого мира. Эмпирика существования толстовских персонажей настойчиво находит подтверждение в человеческом стремлении быть частью единого бытия. Тургеневский герой, независимо от того, насколько он инициативен, жизнелюбив и деятелен, обязательно подпадет под сокращение, покинет сюжет бытия. Для Тургенева нет понятия «вселенной». Камерность избранных тем и конфликтов подразумевает исследование наглядного материала, чрезвычайно концентрированного во времени и обособленного в пространстве. Парный портрет писателей выявляет различные типы самоощущений, которые передаются читателю и становятся основой разных типов философской и психологической идентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцев Б. К. Жизнь Тургенева. М.: Дружба народов, 2000. – 224 с.
2. Зайцев Б. К. Жуковский. Жизнь Тургенева. Чехов. М.: Дружба народов, 1994. – 540, [1] с.
3. Фет А. А. Из книги «Мои воспоминания» // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 79–90.
4. Толстая С. А. Женитьба Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 153–173.
5. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. Т. 4. М.: Наука, 1987. – 766 с.
6. Русанов Г. А. Поездка в Ясную поляну (24–25 августа 1883 г.) // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Гос. изд-во худож. лит. Т. 1. 1960. – 615 с.
7. Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни: Дневник секретаря Л. Н. Толстого. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. – 535 с.
8. Чичерин Б. Н. Москва сороковых годов. Воспоминания. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1929. – 294 с.
9. Алданов М. А. Загадка Толстого // Алданов М. А. Сочинения: В 6 т. Т. 6. М.: Новости, 1996.
10. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. В 18 томах. Т. 3. М.: Наука, 1987. – 702 с.
11. Евлахов А. Конституциональные особенности психики Л. Н. Толстого. М., 1995. 110, [1] с.
12. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959. – 487 с.
13. Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной поляне: Воспоминания. Тула: Тульск. кн. изд-во, 1960. – 527 с.
14. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. Т. 10. М.: Наука, 1994. – 542 с.
15. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. Т. 1. М.: Наука, 1982. – 607 с.
16. Блок А. А. Солнце над Россией // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1962. С. 301–303.
17. Из дневника о. Иоанна Кронштадтского: в обличение душепагубного еретичества Льва Толстого // Духовная трагедия Льва Толстого. М., 1995.
18. Топоров В. Н. К архетипическому у Тургенева: сны, видения, мечтания // Литературные архетипы и универсалии. М., 2001. С. 369–432.
19. Топоров В. Н. Станный Тургенев. М., 1998. – 192 с.
20. Матвеева И. Ю. И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой: диалог о смысле художественного творчества // Спасский вестник. 2018. № 26–1. С. 234–246.
21. Белолухова О. В. Тургенев и музыка (по материалам статьи Хорста-Юргена Герика о И. С. Тургеневе) // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 2. С. 122–126.

22. Полтавец Е. Ю. Модификации сюжетно-фабульной ситуации побег влюбленных в «Воине и мире» Л. Н. Толстого и повестях И. С. Тургенева «Несчастливая» и «Внешние воды» // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2020. №2. С. 39–44.

REFERENCES

1. Zajcev B. K. *Zhizn' Turgeneva* [Turgenev's life]. Moscow: Druzhba narodov Publ., 2000. 224 p.
2. Zajcev B. K. *Zhukovskij. Zhizn' Turgeneva. Chekhov* [Zhukovskij. Turgenev's life. Chekhov]. Moscow: Druzhba narodov Publ., 1994. 540 p.
3. Fet A. A. *Moi vospominaniya* [My memories]. In: L. N. Tolstoj v vospominaniyah sovremennikov [L. N. Tolstoy in the memoirs of his contemporaries]. Moscow, 1960.
4. Tolstaya S. A. *Zhenit'ba L. N. Tolstogo* [The marriage of L. N. Tolstoy]. In: L. N. Tolstoj v vospominaniyah sovremennikov [L. N. Tolstoy in the memoirs of his contemporaries]. Moscow: Hudozhestvennaja literature Publ., 1978. T. 1. P. 153–173.
5. Turgenev I. S. *Polnoje sobranije sochinenij i pisem: V 30 t. Pisma. V 18 t. T. 4* [Complete works and letters: In 30 volumes. Letters. In 18 vol. Vol. 4]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 766 p.
6. Rusanov G. A. *Poezdka v Yasnyu polyanu (24–25 avgusta 1883 g.)* [Trip to Yasnaya Polyana (August 24–25, 1883)]. In: L. N. Tolstoj v vospominaniyah sovremennikov: V 2 t. T. 1 [L. N. Tolstoy in the memoirs of his contemporaries]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit. [State publishing house of fiction], 1960. 615 p.
7. Bulgakov V. F. *L. N. Tolstoj v poslednie gody zhizni. Dnevnik sekretarya pisatelya* [L. N. Tolstoy in the last years of his life. Diary of the writer's secretary]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit. [State publishing house of fiction]. 1957. 535 p.
8. Chicherin B. N. *Moskva sorokovyh godov. Vospominaniya* [Moscow of the forties. Memories]. Moscow: M.&S. Sabashnikov Publ., 1929. 294 p.
9. Aldanov M. A. *Zagadka Tolstogo* [The mystery of Tolstoy]. In: Aldanov M. A. *Sochinenija* [Essays]: in 6 vol. Vol. 6. Moscow: Novosti Publ., 1996.
10. Turgenev I. S. *Polnoje sobranije sochinenij i pisem: V 30 t. Pisma. V 18 t. T. 3* [Complete works and letters: In 30 vol. Letters. In 18 vol. Vol. 3]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 702 p.
11. Evlahov A. *Konstitucionalnye osobennosti psihiki L. N. Tolstogo* [Constitutional features of L. N. Tolstoy's psyche]. Moscow, 1995. 110, [1] p.
12. Goldenvejzer A. B. *Vblizi Tolstogo* [Near Tolstoy]. Moscow, 1959. 487 p.
13. Kuzminskaya T. A. *Moya zhizn' doma i v Yasnoj Polyane: Vospominaniya* [My life at home and in Yasnaya Polyana: Memories]. Tula: Tulskoje knizh. izdatelstvo, 1960. – 527 p.
14. Turgenev I. S. *Polnoje sobranije sochinenij i pisem: V 30 t. Pisma. V 18 t. T. 10* [Complete works and letters: In 30 volumes. Letters. In 18 vol. Vol. 10]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 542 p.
15. Turgenev I. S. *Polnoje sobranije sochinenij i pisem: V 30 t. Pisma. V 18 t. T. 1* [Complete works and letters: In 30 volumes. Letters. In 18 vol. Vol. 1]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 607 p.
16. Blok A. A. *Solnce nad Rossiej* [The sun over Russia]. In: *Sobranie sochinenij* [Collected works]: in 8 vol. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozh. lit. [State publishing house of fiction], 1962, pp. 301–303.
17. *Iz dnevnika o. Ioanna Kronstadt'skogo: v oblichenie dushepagubnogo eretichestva L'va Tolstogo* [From the diary of fr. John of Kronstadt: in Denunciation of the soul-destroying hereticism of Leo Tolstoy]. In: *Duhovnaya tragediya L'va Tolstogo* [The Spiritual Tragedy of Leo Tolstoy]. Moscow, 1995.
18. Toporov V. N. *K arhetipicheskomu u Turgeneva: sny, videniya, mechtaniya* [To the archetypal in Turgenev: dreams, visions, dreams]. In: *Literaturnye arhetipy i universalii* [Literary archetypes and universals]. Moscow, 2001. Pp. 369–432.
19. Toporov V. N. *Strannyj Turgenev* [Strange Turgenev]. Moscow, 1998. 192 p.
20. Matveeva I. Yu. *I. S. Turgenev i L. N. Tolstoj: dialog o smysle hudozhestvennogo tvorchestva* [I. S. Turgenev and L. N. Tolstoy: a dialogue about the meaning of artistic creativity]. In: *Spasskij vestnik* [Spassky Bulletin]. 2018, no. 26–1, pp. 234–246.
21. Belopuhova O. V. *Turgenev i muzyka (po materialam stat'i Horsta-Yurgena Gerika o I. S. Turgeneve)* [Turgenev and music (based on the article by Horst-Jürgen Gerigk about I. S. Turgenev)]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University]. 2018, vol. 24, no. 2, pp. 122–126.

22. Poltavec E. Yu. *Modifikacii syuzhetno-fabulnoj situacii pobeg vlyublennyh v "Vojne i mire" L. N. Tolstogo i povestyah I. S. Turgeneva "Neschastnaya" i "Veshnie vody"* [Modifications of the plot-plot situation escape of lovers in "War and Peace" by L. N. Tolstoy and the novels of I. S. Turgenev "Unhappy" and "Spring Waters"]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the State University of Humanities and Technology]. 2020, no. 2, pp. 39–44.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ястребов Андрей Леонидович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии и литературы Российского института театрального искусства – ГИТИС.

E-mail: nabegi09@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8844-6562

ABOUT THE AUTHOR

Andrey L. Yastrebov – D. Sc in Philology, Professor, Head of Department of History, Philosophy, Literature of the Russian Institute of Theatre Arts (GITIS).

E-mail: nabegi09@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8844-6562

Статья поступила в редакцию: 06.08.2021

Отредактирована: 25.10.2021

Принята к публикации: 01.11.2021

Received: 06.08.2021

Revised: 25.10.2021

Accepted: 01.11.2021

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ястребов А. Л. Тургенев/Толстой. Парный портрет писателей: Экстремумы бытия vs. рефлексия мистицизма // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2021. № 4. С. 28–44.

DOI: 10.35852/2588-0144-2021-4-28-44

FOR CITATION

Yastrebov A. L. Turgenev/Tolstoy. Compared portrait of writers: Extremes of being vs. reflection of mysticism.

In: Theatre. Fine Arts. Cinema. Music. 2021, no. 4, pp. 28–44.

DOI: 10.35852/2588-0144-2021-4-28-44